

АЛЕКСАНДР ОСИПОВ

Служба в спецназе ГРУ

Александр Осипов

Служба в спецназе ГРУ

«Издательские решения»

Осипов А. И.

Служба в спецназе ГРУ / А. И. Осипов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963687-4

Воспоминания о службе в спецназе ГРУ, которую проходил в Германии с мая 1968 года по май 1970 года. Во время службы встречался с Маргеловым, командующим ВДВ.

ISBN 978-5-44-963687-4

© Осипов А. И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Служба в армии	7
Подготовка на парашютиста	8
Проводы в армию	12
Путь к месту службы	14
Германская Демократическая Республика	16
Бригада специального назначения	18
Карантин	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

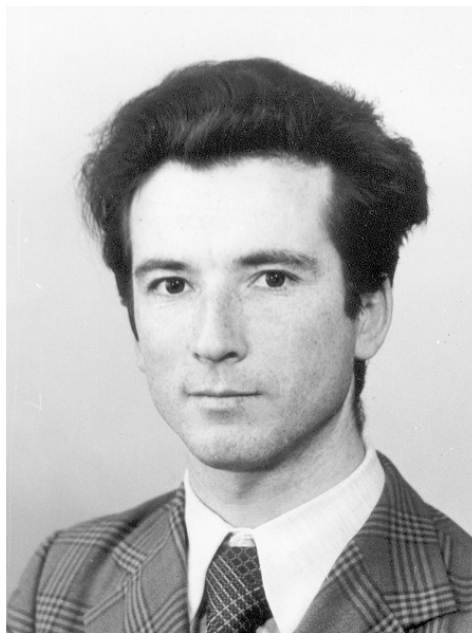
Служба в спецназе ГРУ

Александр Ильич Осипов

© Александр Ильич Осипов, 2019

ISBN 978-5-4496-3687-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Кто имеет право писать свои воспоминания? – Всякий. Потому, что никто их не обязан читать».

(А. Герцен.)

«Самое дорогое у человека – это жизнь. ... Она дается ему один раз и прожить её надо так, чтобы не было больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое мелкое прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: «Вся жизнь, все силы были отданы самому прекрасному на земле – борьбе за освобождение человечества!»

(Н. Островский.)

Предисловие

С развалом Советского Союза начался развал и вооружённых сил. Реформы, о которых говорят вот уже более десяти лет, пока не приводят к возрождению той боеготовности и морального духа, который был в армии до девяностых годов двадцатого столетия.

Я служил в армии более тридцати лет назад, но до сих пор вспоминаю о тех годах, как о самых ярких в своей жизни.

Родился я после Великой Отечественной войны. Детство и школьные годы прошли под ярким впечатлением героев Гражданской и Отечественной войн. Надо отдать должное писателям, поэтам, художникам, кинематографистам, артистам и всем деятелям культуры, что они достойно воспели в своих произведениях подвиг народа в борьбе против фашизма. Мы воспитывались на этих произведениях. Мы стремились быть достойными наших отцов и дедов.

О службе в армии, о подвигах воинов в годы афганской войны и чеченской первой и второй войны нет хороших книг и фильмов, на которых воспитывалась бы современная молодёжь. А

о шестидесятых и семидесятых годах двадцатого столетия тем более не пишут. А ведь именно в те годы наши вооружённые силы были самыми боеспособными. Они были обеспечены самым современным оружием, моральный дух был очень высок. Высокий моральный дух и высокую боевую подготовку в вооружённых силах во многом формировали офицеры, особенно офицеры участники Великой Отечественной войны. В войсках часто проводили учения, на которых проверялась боевая подготовка.

Августовские события 1968 года в Чехословакии, события на границе с Китаем, позже события в Афганистане и других горячих точках мира, где наши военные принимали участие, показали, что действительно наши вооружённые силы были хорошо подготовлены для ведения боевых действий.

Идут года, уходят в прошлое годы службы в армии, но не хотелось, чтобы в истории наших вооружённых сил остались белые пятна. Считаю своим долгом рассказать о том, как шла боевая и политическая подготовка в армии в конце шестидесятых и начале семидесятых годов двадцатого столетия.

Служба в армии

«Долг перед Отечеством – святыня человека»

(В. Сухомлинский)

«Готовность отдать свою жизнь, ради разведданных, которые спасут жизнь сотням, тысячам советских людей – в этом, а не в головокружительных приключениях сокровенный смысл опасной, самозабвенной профессии разведчика».

(Из высказываний неизвестного разведчика)

«Кто по своим физическим возможностям ближе других стоит к космонавтам? Десантники!»

(Г. Титов)

«В ГДР мы друг друга узнали.

Стали жить мы одною семьёй.

Край любимый всегда вспоминали,

Чтоб скорее вернуться домой»

.....

.....

(Слова из солдатской песни)

Подготовка на парашютиста

Дни до отправки на курсы парашютистов для меня стали днями ожидания встречи с неизвестным. Учитывая то, что встреча с неизвестным предстоит с риском для жизни, я всё больше стал задумываться о смысле жизни. Смысл жизни. Я не хотел прожить её в тихой гавани, а хотелось прожить с пользой для страны и своего народа. Я мечтал быть всегда в гуще основных событий, происходящих в стране.

Подготовка на парашютиста – это был для меня первым уроком мужества, который предстояло пройти. Надо было пройти его с честью. За оставшие дни я должен был подготовить себя психологически к встрече нахождения в экстремальных условиях. Мне раньше иногда приходилось попадать в экстремальные условия, но попадал в них неожиданно, а здесь я заранее знал, что меня ждут экстремальные условия. Я стремился, как можно больше услышать и прочесть о десантных войсках. С особым интересом стал слушать передачу по «Маяку» «Служу Советскому Союзу». Из писем солдат на передачу, особенно из писем десантников, я старался проникнуться их духом. В эти дни я пришёл к выводу: «Что если не я, то кто-то всё равно должен служить в десантных войсках».

Курсы парашютистов проходили под Рязанью. Разместили нас в казарме. Из нашей школы было двое: я и Истомин Саша. С Сараевского района на курсы приехало около десяти человек. Нам предстояло пройти за 12 дней теоретический курс, отработать на тренажёрах практические элементы при выполнении прыжков, научиться укладывать парашют и выполнить три прыжка с самолёта АН-2.

Теоретический курс сводился к изучению парашюта, правильно покидать самолёт, как управлять парашютом, что делать в случае не раскрытия основного парашюта и как раскрывать запасной, как вести себя в случае сближения с другим парашютистом и как правильно приземлиться.

Нас обучали два инструктора: Василий Васильевич и Галина Алексеевна. Занятия проходили интересно. Пройдя теоретический курс, мы уже знали какие бывают парашюты, из каких частей состоит, и назначение каждой части. Мы узнали, что купол шит из перкалевой или шёлковой ткани, что он при помощи строп соединяется с подвесной системой. Мы узнали из каких частей состоит подвесная система и как она крепится к человеку. Теоретически нас научили, как при помощи четырёх лямок управлять парашютом в воздухе. Теоретически нас научили, как должны укладывать парашют в чехол, а чехол в ранец, как устанавливать приборы на автоматическое раскрытие от времени и от высоты, страхующих парашютиста в случае если он не сможет выдернуть кольцо основного парашюта. Двойная страховка: один прибор – от времени, второй – от высоты, повышал процент раскрытия парашюта. Но успешное раскрытие парашюта во многом зависело от правильной укладки парашюта. Поэтому инструктора очень внимательно учили нас укладывать парашюты, и рассказывали, где именно чаще всего допускают ошибки, которые приводят к сбоям при раскрытии, и порой даже к смертельным случаям.

Практически мы укладывали парашюты четыре раза.

Изучив парашют и, научившись его укладывать, мы приступили к следующему этапу подготовки – это техники отделения от самолёта. Нас ознакомили, как размещают парашютистов в самолёте АН-2. Основное правило – первый должен иметь наибольший вес, а последний – наименьший. Это правило предостерегает от того, что если первый отделяется с меньшим весом, чем второй или третий т. д., то за счет разницы в весе второй сможет догнать первого и врезаться в парашют и тем самым могут запутаться оба парашюта.

Нас учили и как правильно отталкиваться от самолёта при отделении, и что от этого также зависит успешное раскрытие парашюта. Нас убеждали, да и мы сами стали понимать,

что в парашютном деле мелочей не бывает, и поэтому мы стремились ничего не пропускать мимо ушей, а старались узнать как можно больше. Выполнение каждого элемента при выполнении прыжка имел определённый смысл, и при невыполнении одного элемента, так как предполагается, мы могли попасть в экстремальные условия. Так, например, при отделении от самолёта АН-2 мы обязаны сильно оттолкнуться левой ногой от дверного проёма, сгруппироваться, поджав ноги и продолжая прижимать руки: правую к груди, держа кольцо, левую прижав к животу. Руки в таком положении должны быть уже в самолёте при подаче команды приготовиться. Не выполнив этих условий, нас могло ударить об обшивку самолёта и придать нам вращательное движение, тем самым, создав условие при открытии парашюта к скручиванию строп и гашению парашюта.

Тренировали нас к поведению в воздухе, после отделения от самолёта. На этом этапе мы должны были научиться считать в воздухе. Это необходимо было при ручном раскрытии парашюта, да и при принудительном для контроля за раскрытием парашюта. Как правило, в воздухе в свободном полёте время, кажется, идёт быстрее, и поэтому нас учили секунды отчитывать трёхзначными числами: двести двадцать один, двести двадцать два и т. д.

После раскрытия парашюта мы обязаны были осмотреть купол, с целью определения отсутствия разрывов в куполе и полного раскрытия. Затем осмотреться вокруг, чтобы убедиться в том, что ни с кем мы не идём на сближение и это наблюдение должны продолжать практически до земли. Также должны начинать управлять парашютом, с целью выбора места приземления. На практических занятиях мы отрабатывали и технику приземления. К технике приземления входили такие важные элементы: разворот по ветру, чтобы землю встретить лицом, а не спиной и не боком; ноги должны быть вместе и немного поджатые и ступни параллельно земли; смотреть вперёд, а не под ноги. Не выполнение этих условий могло привести к перелому ног и другим травмам.

Не мало важное значение имело и уметь погашать купол после приземления путём вытягивания нижних строп купола. Не знание техники гашения купола мы могли получить травмы и после успешного приземления. Из практики десантирования были случаи и со смертельным исходом.

В случае не раскрытия основного парашюта отрабатывали технику раскрытия запасного парашюта. Здесь также есть тонкости, от которых зависит успешное раскрытие запасного парашюта.

Нас учили, как избежать столкновения в воздухе, и какие действия принимать в случае приближения и столкновения с другим парашютистом.

Практические занятия отрабатывали на тренажёрах. Технику отделения от самолёта отрабатывали на тренажёре, имитирующем самолёт. Технику отделения от самолёта, отсчёт секунд, выдёргивание кольца и приземление отрабатывали на вышке, высотой метров двадцать, с которой спускались по тросу, имитируя этапы приземления от самолёта до земли. Технику управления парашютом отрабатывали на тренажёре, имитирующем подвесную систему. Технику правильного приземления, а именно, правильно держать ноги по отношению к земле, отрабатывали на тренажёрах типа трамплина, высотой от одного метра до двух с половиной.

Пройдя теоретический курс и практические занятия на тренажёрах, наступил день выполнения первого прыжка с самолёта АН-2. Первый прыжок совершили 25 февраля. Перед этим днем мы смотрели, как выполняют прыжки спортсмены. Спортсмены-парашютисты вселили у нас уверенность, что мы выполним свой первый прыжок успешно. 25 февраля для меня, да и, наверно, для всех на этих курсах, был днём, когда мы дважды переступили порог неизвестного. Нам предстояло не только совершить первый прыжок с парашютом, но и впервые лететь на самолёте.

Можно с уверенностью сказать, что 1968 год был для меня самым насыщенным в освоении новых знаний, условий жизни и испытаний на мужество. С курсов парашютистов начался отсчет первого этапа в цепочке событий насыщенного для меня 1968 года.

Жаль, что у меня нет ни одной фотографии, запечатлевшей прохождение курсов по подготовке парашютистов. Не могу понять: почему я не взял с собой фотоаппарат? Об этом приходится теперь только жалеть, но поправить уже не возможно.

Первый прыжок с парашютом. В жизни приходилось много совершать впервые, но первый прыжок с парашютом – это особое событие, которое трудно сравнить с каким либо другим. Конечно, мы все волновались. Сказать, что не было волнений – значить сказать неправду. Был ли страх? Наверно нет. Имеется в виду такого страха, когда ты теряешь самообладания и не знаешь, что делать.

Мы имели минимум знаний, психологическую подготовку и видели, как практически совершаются прыжки.

Одна из заповедей разведчика, которую мы усвоили, будучи в армии, верно гласит: «Знания ликвидируют страх и растерянность». На курсах мы эту заповедь ещё не знали, но сердцем уже понимали.

Одеты мы были в лётные куртки и обуты в унты. Поэтому вид у нас был почти армейский. Надев парашюты, мы разместились в самолёте. Закрепили карабины от вытяжного фала к тросу. Ждали взлёта. Старались не подавать видом внутреннего волнения. Инструктор Галина Алексеевна старалась с нами шутить. Это помогало нам частично снять внутреннее напряжение, но оно продолжало оставаться и не давало возможности не думать о предстоящем первом прыжке с парашютом.

Ожидание. Ожидание – это бездействие. Ожидание – это размышление. Ожидание – это волнение. В ожидании состояние души всегда тяжелее, чем когда идёт процесс действий, когда ты уже не размышляешь, что тебя ждёт, а ты думаешь, как сделать то или иное действие. В процессе совершения действия ты находишься в более решительном и собранном состоянии. Секунды ожидания взлёта, казались, длятся дольше положенного. Но вот, наконец, самолёт АН-2 стал выруливать на взлётную полосу, пошатываясь фюзеляжем. Рёв мотора стал всё сильнее усиливаться. Вырулив на взлётную полосу, самолёт стал набирать скорость. И вот, наконец, мы оторвались от земли. Самолёт плавно стал набирать высоту. Мы все прильнули к иллюминаторам и стали смотреть на землю. Впервые в жизни я смотрел на землю с высоты птичьего полёта. Красота увиденного на какое-то время отвлекла нас от переживаний предстоящего прыжка.

Но вот раздался пронзительный вой сирены и замигал жёлтый фонарь-сигнал: приготовиться к прыжку. Мы встали, поправили лямки парашюта и с волнением стали ждать сигнала: пошёл. Галина Алексеевна улыбалась и подбадривала нас: «Ни чего ребята, держитесь, будьте смелее». Вновь раздался вой сирены и загорелся зелёный фонарь. Галина Алексеевна громко скомандовала: «Пошёл». Я должен был прыгать вторым или третьим, но передо мной парень замешкался, видимо испугался, упёрся руками и ногами в дверной проём и не хотел прыгать. Галина Алексеевна стала его стыдить за его трусость: «Какой же ты мужик, ты хуже бабы, а ну давай прыгай», и силой вытолкнула его из самолёта. Его замешательство привело к тому, что мы вынуждены были прыгать несколько позже положенного времени, и это привело к тому, что приземлились дальше запланируемого места. Следом за ним прыгал я. Трудно даже описать то ощущение, которое охватило меня. Оказавшись перед дверным проёмом, ощущение было такое, как будто стою на краю пропасти. Я с силой оттолкнулся от дверного проёма и прыгнул. До раскрытия парашюта было всего около секунды и поэтому, не успев ощутить свободного падения и ветра свист, как за спиной я услышал динамический хлопок или динамический рывок. В это мгновение я понял, что парашют раскрылся. Осмотрев купол и убедившись в его целостности, а также осмотревшись вокруг и, убедившись что помех от других парашютистов нет,

я поправил ножные лямки, чтобы удобнее было находиться в подвесной системе. Первое ощущение после раскрытия парашюта – это радость, второе – как будто завис на небесах и не спускаешься вниз, третье – приятное покачивание. Но проходит ещё несколько секунд и начинаешь ощущать приближение земли. Радость вновь переходит в небольшое волнение. Ты ещё не знаешь, как встретит тебя земля. А для того чтобы нормально приземлиться, я стал определять направление ветра и разворачивать парашют по ветру. Метров, примерно, за сто земля быстро стала приближаться, я сгруппировался и приготовился к приземлению. И, наконец, раздался глухой удар о землю. Для того чтобы смягчить удар на ноги, я не пытался удержаться на ногах, а как и учили – свалился на бок. Купол медленно стал гаснуть. Подтянув на себя нижние стропы, я ускорил его гашение. Новая волна радости охватила меня. Свой первый прыжок с парашютом совершил успешно. Собрав парашют и уложив его в сумку, я радостный шёл к месту сбора. Мне хотелось скорее поделиться с ребятами впечатлениями о первом прыжке и услышать оценку инструкторов.

К месту сбора все подходили радостные. Охотно делились впечатлениями о совершённом прыжке.

Инструктора построили нас и провели разбор выполненных прыжков. Каждому была выставлена оценка за совершённый прыжок. Мне поставили оценку «отлично».

Оставшиеся два прыжка мною были выполнены также на «отлично».

За выполнение трёх прыжков с оценкой отлично мне была объявлена благодарность, и в колхоз было отправлено благодарственное письмо.

Курсы были насыщены. Свободного времени почти не было. Один раз, правда, нам организовали показ художественного фильма. И то его показ мог сорваться, из-за болезни киномеханика. Спросили: кто из нас имеет опыт киномеханика. Среди всех с таким опытом оказался я один. Так что пришлось на курсах заменять киномеханика и показывать ребятам фильм. Вечерами нас из казармы ни куда не выпускали. В казарме дежурили инструктора.

На курсах я познакомился с некоторыми ребятами. Особенно близкие отношения сложились у меня с моими земляками по Сараевскому району. Среди них особенно хотелось отметить Истомина Сашу, Чибисова Славу, Кузьмина Бориса, Сухова Василия и Ключева Сашу.

С Истоминим Сашей мы вместе учились в 9 и 10 классах, но параллельных. В армии вместе служить не пришлось. Служил он в десантной части. После армии вернулся в родной колхоз (село Максы), где работает водителем и по сей день. Женат, имеет двоих сыновей. Иногда с ним встречались во время отпусков, проводимых в деревне.

С остальными ребятами вместе призывались в армию, вместе добирались до места службы, вместе проходили карантин, но служить пришлось в разных батальонах. На втором году службы вместе были на прыжках. К сожалению, больше с ними встретиться не пришлось.

Окончились курсы по подготовке парашютистов. Всем нам был присвоен третий разряд спортсмена-парашютиста. Возвращались домой довольные тем, что успешно завершили курсы. Для меня, да и для всех, наверное, – это было испытание. Испытание армейской службы. Мы жили почти как в армейских условиях. Мы почувствовали, что готовы к службе в армии.

Вернувшись домой, я вновь оказался в деревенской глуши в спокойной, почти однообразной жизни. С радостью делился впечатлениями о прыжках с ребятами. Прекрасно осознавал, что до призыва в армию остались считанные дни.

Проводы в армию

В конце апреля я получил повестку: явиться в райвоенкомат. Для меня стало ясно: вручат повестку о призыве в армию. Дорога ещё не просохла. Рабочий поезд, кажется, ходил не каждый день и в этот день он не пошёл. Поэтому я решил идти в райвоенкомат пешком. Идти решил в кирзовых сапогах. Потом жалел, что не обул резиновые сапоги. Туда и обратно пришлось пройти 50 километров. Натёр ноги. Из-за чего пришлось мучиться в армии больше месяца. В райвоенкомате прошли медкомиссию и вручили повестки о призыве в армию.

Призывали нас 3 мая. В деревне было принято на проводы приглашать родственников, друзей и близких знакомых. Для родителей это были первые проводы в армию, так как Володю, брата, в армию не призывали. Проводы в армию организовали 2 мая. Проводы – это особый день. И я опять допустил ошибку: почему-то не сфотографировались на память. И об этом дне у меня нет фотографии. Конечно, жаль, но уже ничего не поделаешь. Проводить меня пришли родственники, приехал брат с женой, деревенские друзья, близкие знакомые, ребята и девчата по школе. Было весело. Для меня было и весело, и грустно. Радостно от того, что пришли проводить и сказать добрые слова напутствия. Грустно от того, что прощался со всеми на два года. На проводах я не выпил ни грамма спиртного. Трезвый образ жизни, которому я придерживался, не нарушил я и в этот день. Ни грамма спиртного я не выпил и за два года службы. Я и Шатилов Володя играли на гармошке. Пели песни. Пели и грустные, и весёлые. Запел и я мою любимую песню, а меня поддержали ребята, – песню, которую пели вечерами под гитару с Воронковым Володей.

«То было лето
Шёл месяц август,
И был набор
В воздушный флот.
Его натура была такая
И он готов был
Сесть за мотор.

Они любили
Друг друга крепко,
Хотя и были ещё детьми.
И часто, часто
Они писали,
Что не забудем
Друг, друга мы.

.....

.....»

Эта песня немного была созвучна этому дню. Меня призывали в воздушно-десантные войска, а они сродни воздушному флоту. После исполнения этой песни, я обещал ребятам и девочкам писать письма, а они обещали отвечать на них. Танцы организовали в саду. Я танцевал и не знал когда придётся ещё танцевать с девочками, с которыми учился в школе. Быстро прошёл этот день. Ребята и девочки обещали придти и 3 мая, чтобы проводить меня в армию.

Третьего мая меня на машине («козёл») провожал до райвоенкомата брат с женой и папа. Пришли проводить, как и обещали, ребята, девочки, и все знакомые. Трудно было расставаться. Я ещё не верил, что уйду на два года. Мне, казалось, что уйду и через несколько дней вернусь. Но мама понимала, что провожает меня на два года. Я смотрел на неё, на её слезы, медленно катившиеся по её щекам, и на душе стало ещё тяжелее. Мне казалось, что в них отражается вся жизнь с родителями. В этот момент хотелось сказать утешительные слова, но было трудно их подобрать. Я сказал им: «Берегите себя, а ты, папа, особенно береги маму». Я понимал, что без меня им будет тяжело. Всё же я им помогал по домашнему хозяйству, а теперь они оставались одни, и вся работа ложилась на их двоих.

Итак, 3 мая я покидал родительский дом. Покидал его навсегда. Приезжать на родину приходилось потом только на каникулы или в отпуск, а постоянного жительства на родине уже не имел. С третьего мая начался новый этап в моей жизни.

Путь к месту службы

1968 год. Год 50-летия создания Красной Армии (Советских Вооружённых сил). Год 50 —летия рождения комсомола. Страна торжественно отмечала эти даты. Это было правильно. Эти даты были святыми для наших дедов и отцов. Эти даты необходимо были и для нас — молодых. На героическом прошлом воспитывали в нас патриотизм, веру в социализм, в справедливость. Этот год был также проверкой на прочность социалистического строя в странах социализма. В 1968 году была попытка Запада и, в первую очередь, США совершить контрреволюцию в Чехословакии, которая завершилось провалом. Страны Варшавского договора в течении двух часов ввели войска на территорию Чехословакии и предотвратили переворот.

В 1968 году при проведении тренировочного полёта погиб первый космонавт Земли Ю. А. Гагарин.

В 1968 году был первый майский призыв в армию, в связи с переходом на двухгодичный срок службы.

В этот первый майский призыв попал и я. Для меня этот год стал годом службы в Советской Армии.

Третьего мая, после обеда, рабочим поездом мы выехали из Сараев. К вечеру прибыли в Рязск на сборный пункт.

Из тех, кто был со мной на сборах парашютистов, было четверо: Кузьмин Борис, Клюев Саша, Сухов Василий, Чибисов Слава и я — пятый. Вот так пятером мы и держались до места нашей службы.

Спали на дощатых нарах. Было как-то не обычно. Долго не могли заснуть, но постепенно сон брал своё.

На другой день нас подстригли наголо (под котовского). Продолжали приходить новые партии призывников. Приезжали и «покупатели». Приехали и десантники. Я впервые видел десантников. Их форма нам понравилась. Мы жаждали скорей надеть форму десантника.

Мы думали, что десантники приехали за нами, но, увы, нас посадили на поезд и отправили под Воронеж.

Прибыли в войсковую часть, которая располагалась в лесу. Разместили нас в палатках. В первый же день нас сводили в баню. Баня располагалась в палатке. Входили в гражданском. Снимали с себя одежду. Мылись. При выходе нам выдавали армейскую форму. Входили гражданские, а выходили уже военные. В форме мы были похожи друг на друга. Все чувствовали, что нет в нас той солдатской выправки, которая появляется со временем. Но на другой день, с приходом новых призывников, мы чувствовали себя уже на голову выше их.

После того, как переодели в форму, пошли получать матрасы и подушки. У склада стоял часовой. И мы на него смотрели не так как обычно смотрели на солдата, а немного с испугом. Ведь он стоял с автоматом. На автомат смотрели немного с завистью и с нетерпением его подержать в руках.

Автомат — боевое оружие каждого солдата. Его нельзя отделить от солдата. Он часть солдата. Только их совместное действие может побеждать врага. Но прежде чем побеждать, надо научиться владеть оружием, наукой боя. Поэтому человек, одевший солдатское обмундирование и получивший боевое оружие, рождается солдатом. Он также как и народившийся ребёнок учится разговаривать по-военному, учится ходить строевой, ломает свой прежний характер, учится военным наукам.

Да, мы учились. Учились всему. Здесь некому тебя заменить. Мамы нет. Ты должен делать всё сам.

Первый подшитый подворотничок. Сколько трудов было. Мы как цыплята облепили нашего первого командира – ефрейтора, который показывал, как правильно подшивать. У него всё это выходило быстро и ловко. Мы же мучились долго, исколов все пальцы.

Наша пятёрка держалась всё время вместе. Вместе жили в палатке. Вместе работали на раскорчёвке леса. Вместе и сфотографировались на память. Правда, Чибисов в это время куда-то отлучился, и поэтому фотографировались без него. Это была первая армейская фотография. Сколько было радости, охватившей нас, когда мы увидели фото. Каждую свободную минуту хотелось посмотреть ещё раз. Фото – это запечатлевшее отражение на бумаге мгновения жизни, события. По ним можем вспоминать то время, которое в них отражено, как бы читая книгу, но читать может тот, кто этот отрезок жизни прожил, видел его своими глазами.

Из под Воронежа мы писали первые солдатские письма родным и близким. В них мы делились своими первыми впечатлениями о солдатской жизни о первых успехах и неудачах. Письма – это не фото. В них ты не увидишь отражения жизни. Но зато прочитаешь, как именно ты видишь эту жизнь. Из письма можно увидеть внутренний мир того времени, в котором жил, а не внешний, о котором можно гадать, смотря на фото. В письмах мы находили ту духовную поддержку, которая необходима для солдата в тяжёлые минуты. Письмо – это не только листок исписанной бумаги – это невидимая сила, от которой у солдата появляются свежие силы. Кто служил в армии, тот знает, что значит письмо от родных и близких. С каким нетерпением они ждут писем. С какой радостью получают, и с каким волнением они их читают.

Под Воронежем мы пробыли несколько дней. Солдаты, которые за нами приехали из частей, увидев нас в яловых сапогах, сказали, что мы будем служить за границей, так как кто служит в Союзе – выдают кирзовые сапоги. Для нас это было неожиданностью. Так как в райвоенкомате нам говорили, что будем служить под Рязанью. Об этом нам вскоре сказали и офицеры. Нам приказали отправить домой все деньги, так как с собой за границу брать их будет нельзя. Так что пришлось отправить деньги домой. Я при себе оставил только десять рублей.

Наконец, наступил день отправки нас за границу к месту службы. Нас построили, сказали слова напутствия и под марш «Прощание славянки» колонна, примерно, в тысячу человек тронулась.

«Прощание славянки» – марш, звуки которого сильно трогают душу, вселяют силу духа, любовь к Родине. По силе воздействия на солдата с ним может сравниться, пожалуй, только гимн «Советского Союза». Музыка всегда была «эликсиром» бесстрашия для солдат. Она порой лучше всяких слов поднимала дух и веру в победу у защитников Отечества. С прощания славянки начался наш путь в Германию. Поезд мчал нас по земле России, Белоруссии, Прибалтики, Польши и Германии к месту нашей службы. Для меня это была первая поездка по земле других союзных республик и зарубежных стран.

Германская Демократическая Республика

Германская Демократическая Республика была основана 7 октября 1949 года. Она была образована на территории, которая после победы над фашистской Германией и раздела Германии на три части, находилась под влиянием Советского Союза. Одновременно в границах оккупационных зон США, Великобритании и Франции была создана Федеративная Республика Германии. Таким образом, на территории Германии было создано два государства: ГДР – которое пошло по пути строительства социализма и ФРГ – которое пошло по капиталистическому пути. Процесс этот был закономерен.

К 1968 году в ГДР, в основном, был завершён переход от капитализма к социализму. Но пережитки капитализма в сознании старшего поколения ещё остались и мы это ощущали, когда общались с немцами на хозяйственных работах. Но молодое поколение, выросшее уже при социалистическом укладе жизни, были к нам миролюбивы. Надо отдать должное немцам в высокой степени организованности, дисциплинированности и аккуратности. Порядок был виден в городах, в сельских посёлках, на полях, лугах и в лесах. Широко были распространены культурные пастбища. Леса почти похожи были по чистоте на лесопарки. Дороги были асфальтированы, выложенные камнями, бетонные, т.е. разбитых я не видел. Почти вдоль каждой дороги росли яблони. Яблони или другие деревья были ухожены, стволы побелены.

В лесах, не смотря на их ухоженность, водилось много диких зверей: кабанов, косуль, зайцев, диких кроликов. Много было грибов и черники. В водоёмах водилось много рыбы. Всё это сохранить удалось за счёт строгих законов по охране природы.

Климат был мягкий. Зимой сильных морозов не было, да и снега было мало. За два года службы мы ни разу не ходили на лыжах.

В ГДР находилась самая мощная военная группировка советских войск под названием Группа Советских войск в Германии. Да, это было и понятно. Германия в двадцатом столетии развязала две мировые войны, унесшие десятки миллионов людей. Со стороны ФРГ исходили ещё голоса о взятии реванша. На это их подталкивали и силы со стороны США. Со стороны западных спецслужб была развёрнута на территории ГДР широкая сеть агентурной разведки, которая стремилась следить за каждым перемещением наших воинских подразделений, а также вела сбор сведений о наших частях. Со стороны западных спецслужб проводились террористические акты по отношению к нашим частям. Поэтому говорить о спокойной службе нельзя. Войска всегда должны были находиться в боевой готовности, на порядок выше, чем в Союзе.

Командовал в те годы Группой Советских войск в Германии до 1969 года маршал Кошевой, а после него генерал полковник Куликов, в последствии начальник Генерального штаба, маршал Советского Союза.

Поздно ночью поезд прибыл во Франкфурт на Одере. Было приказано всем выйти из вагонов и построиться по командам. Ночь была тёмной, и мы видели только около места построения, где находились мы, прибывшие из Союза, а также офицеры и машины прибывшие за нами. Было немного неловко ощущать, что мы находимся на чужой земле вдали от Родины.

Назывались команды. К ним подходили офицеры и уводили новобранцев к машинам, и увозили по своим частям. Шеренга постепенно таяла на наших глазах, всё меньше и меньше оставалось и офицеров из частей. Из прибывших офицеров мы не увидели ни одного десантника, и от этого нам стало немного грустно. Вскоре последней осталась наша команда и офицеры в форме пехотинцев. Мы с земляками переглянулись, пожали плечами и стояли в недоумении.

К нам тихо подошёл майор и спокойно сказал: «Ну а с Вами мы должны побеседовать с каждым в отдельности». Нас завели в помещение, расположили в комнате и по одному стали приглашать в комнату для собеседования.

Для нас ещё больше стало загадок: где же нам придётся служить? Если проводят собеседование с каждым, значит отбирают в какую-то особую часть. Но какую?

Подошла очередь и моя для собеседования. Я зашёл в комнату. За столом сидел майор в общевойсковой форме. «Присаживайтесь», – спокойно сказал он и указал рукой на стул. «Фамилия, имя, отчество», – спросил майор. Я ответил также спокойно: «Осипов Александр Ильич». Он записал в тетрадь, и началась непринужденная беседа. Спросил кто родители, от куда родом, прошёл ли курсы по подготовке на парашютиста. Незаметно он подвёл наш разговор к тому, что нас выбрали для службы в части, которой в случае боевых действий предстоит действовать в глубоком тылу противника, и, как он доходчиво выразился, у нас будет только «билет» в один конец, но наши действия могут спасти жизни сотням тысячам, а может и миллионам мирных людей. «Так что подумайте хорошенько. Если не согласны, то мы Вас направим служить в другую часть», – сказал он. С минуту мы молчали. «Ну, что скажите», – нарушил тишину майор. «Я согласен», – ответил я. «Ну, вот и хорошо, но у Вас ещё будет время подумать, и если вы передумаете, то доложите», – спокойно сказал он.

Вышёл от майора я уже в приподнятом настроении. Я понял, что нас подбирали для службы в части, назначение которой для нас осталось ещё неизвестно.

Я ещё не знал, что дал согласие на службу в бригаде специального назначения для проведения разведывательно-диверсионных действий в глубоком тылу противника, которая непосредственно подчинялась Главному разведывательному управлению Генерального штаба.

Бригада специального назначения

Итак, мне предстояло служить в спецназе.

Спецназ. О нём ни чего не писали в газетах, ни чего не говорилось по радио и по телевидению. Спецназ был засекречен. Служить в спецназ отбирали очень тщательно, ещё когда были допризывниками. Тщательно проверялась родословная и политическая подкованность допризывника. Попасть служить добровольцем в спецназ было невозможно, так как о таких частях сведений не было. Даже можно было добровольцем попроситься служить в частях комитета государственной безопасности, а в спецназ такой возможности не было. Это говорило о том, что спецназ при Главном разведывательном управлении Генерального штаба имел секретность выше, чем части КГБ. О спецназе ГРУ начали понемногу писать и говорить лишь в девяностых годах, когда не стало Советского Союза и к власти пришли демократы.

Что же из себя представляли бригады специального назначения? Военная разведка во все времена играла важную роль в проведении боевых действий. Она была глаза и уши армии. Чем больше и достоверней доставала разведка сведений, тем успешней проводились боевые операции.

Советская военная разведка была создана 5 ноября 1918 года Указом №193/23, в котором среди прочих был пункт о формировании при Главном штабе РВС регистрационного управления, которое с течением времени трансформировалось в Главное разведывательное управление Генерального штаба.

Итак, 5 ноября стал негласным профессиональным праздником военных разведчиков. Спецназ стал основной частью действий военной разведки. Если рассматривать историю проведения специальных операций, то родиной настоящего армейского спецназа является Россия, и нам есть чем гордиться, есть на какие традиции опираться. Нашей стране принадлежит честь первооткрытия как в теории, так и в практике достижения военно-политических целей посредством проведения высшим военным руководством специальных операций и действий. Достаточно вспомнить фронтовой опыт Дениса Давыдова, обобщенный позже в его теоретических трудах.

В сентябре 1812 года в составе созданной Кутузовым в тылу врага группировки, которую вполне можно считать группировкой сил специального назначения, действовало 36 казачьих, 7 кавалерийских, 5 пехотных полков, 5 эскадронов и 3 батальона регулярной армии. По сути это была настоящая крупномасштабная специальная операция, проводившаяся под руководством Верховного главнокомандующего.

К сожалению, дальнейшее развитие этой формы военных действий, как будто бы специально придуманной для российских условий и просторов, а значит, и для российской военной доктрины, было несчастливим. Надо признать, что после Отечественной войны 1812 года история специальных операций в России стала историей сплошных ошибок и упущенных возможностей. А ведь всё это время, особенно в XX веке, наши вооружённые силы были вынуждены то и дело втягиваться в проведение именно специальных операций, что почти всегда походило на действия слона в посудной лавке.

В октябре 1915 года предпринимается попытка создания при Походном атамане казачьих войск какого-то подобия управления специальных операций и соответствующих воинских формирований, но не более того. Выдающийся советский военачальник Михаил Фрунзе сумел увидеть рациональное зерно в данном направлении военной мысли. В его работе «Единая военная доктрина и Красная Армия», изданной в 1921 году в первый и последний раз на таком высоком уровне говорилось о необходимости ведения вооружёнными силами не только крупномасштабных боевых действий, но и «малых войн». Увы, не только теоретические разработки

М. В. Фрунзе оказались забыты, но даже уникальный опыт специальных действий при борьбе с басмачеством в Средней Азии никак обобщён не был.

Лишь горький опыт Великой Отечественной и объективная необходимость ведения в тылу противника вооружённой борьбы не столько народными мстителями, сколько специально подготовленными армейскими формированиями, позволили реабилитировать очевидные истины. Особенно богатейший опыт ведения разведывательно-диверсионной работы был накоплен нашими разведывательно-диверсионными группами. Действия таких групп в годы войны хорошо были описаны в книге: «Лебединая песня». Мы по этой книге изучали опыт ведения разведки в тылу врага. Для нас эта книга стала «настоющей».

С появлением ядерного оружия у наших вероятных противников, возникла потребность у военной разведке о своевременном выявлении подготовки противника к развязыванию ракетно-ядерной войны, чтобы не допустить применения такого оружия. С этой целью в октябре 1950 года при общевойсковых и механизированных армиях, некоторых военных округах были созданы 46 отдельных рот специального назначения по 120 человек каждая. Через 7 лет они стали батальонами, через двенадцать выросли до бригад. К концу шестидесятых годов их было пять. Одна из них: третья гвардейская бригада специального назначения находилась в Германии, в которой мне и предстояло служить.

Бригада располагалась севернее Берлина недалеко от Фюрстенберга и Нейстрелица в лесу вдали от населённых пунктов. Располагалась в двух местах. Второй разведбатальон, учебная рота (готовили сержантов) и отдельная пятая рота, задачей которой являлось захват правительства вероятного противника, располагалась на бывшем пансионате отдыха для гитлеровских лётчиков. Это было живописное место на берегу лесного озера. Примерно в десяти километрах от них располагалась основная часть бригады. В неё входили: первый и третий разведбатальон, четвертый батальон связи, шестая рота подрывников и гранатомётчиков, седьмая рота радиоподслушивания, хозяйственный и штаб части.

Бригада была сформирована в 1966 году из двух частей. Основной полк, на базе которого и была создана бригада, был сформирован ещё 26 марта 1944 года на Украине, как мотоциклетный полк, при второй танковой армии. Основной задачей полка того времени было на прорывавшемся участке фронта вклиниваться в глубь противника и вести боевые действия в тылу противника. Вторая часть, которая вошла в бригаду, был батальон связи. Он был переведён, кажется, из Польши.

Из рассказов старослужащих солдат мы узнали, что формировал бригаду в октябре 1966 года зам. командира подполковник Мосолов Р. П. Мосолов упорными тренировками воспитывал у солдат выносливость. Рассказывали, что при нём все передвижения по части выполнялись только бегом. А с ноября 1966 командиром стал Гришаков А. Н.

На территории, где располагалась основная часть бригады, располагалась также и ракетная часть.

Для того, чтобы засекретить назначение бригады, она существовала под легендой отдельного пехотного полка при второй танковой армии. Форма одежды и знаки различия были общевойсковыми – это красные погоны и общевойсковые эмблемы. Кто выполнил прыжки – вручали значок парашютиста, но носить его не разрешали. Под этой легендой бригада жила до конца 1969 года.

Но, видимо, легенда была не так правдоподобна, и западная разведка стала всё больше и больше интересоваться загадочностью нашей бригады. В этих условиях для того, чтобы легенду сделать более правдоподобной, была создана новая легенда, а именно, что это десантный полк при второй танковой армии. После чего нам разрешили носить десантную форму. До этого десантную форму можно было одевать только в Союзе. Поэтому, когда солдаты уезжали в отпуск или демобилизовывались, они готовили десантную форму, т. е. готовили голубую фуражку, голубые погоны и обшивали их красными погонами и обтягивали фуражку

с красной каймой. Для значка парашютиста готовили на кителе место, но его не вешали. Скрывать красные погоны, верх с фуражки и вешать значок парашютиста можно было только на территории Союза. Других пассажиров, а также проводниц, это переодевание приводило в удивление. И вот только с конца 1969 года десантная форма носилась уже в открытую. Вот почему почти на всех армейских фотографиях я сфотографирован в общевойсковой форме.

Карантин

Карантин – это период прохождения службы до принятия военной присяги. Карантин проходили на территории, где расположился второй разведывательный батальон. Второй разведбатальон был в летнем лагере, где выполнял прыжки с парашютом. Поэтому их казарма была свободна, и нас разместили в ней. Прежде чем нас определить по отделениям и взводам нас ещё раз собрали в ленинской комнате для собеседования. Мы ещё не знали, в какую часть прибыли, и поэтому, когда нас разместили в ленинской комнате мы до начала собеседования, стали с любопытством разглядывать её оформление. Я впервые находился в ленинской комнате, да и не только я, наверно, и все остальные также находились первый раз. Это было видно по тому, с каким интересом они разглядывали стенды. Стенды, выполненные в виде планшетов, были посвящены ленинским годам, боевому пути части, последним решениям партии и правительства, разведчикам, отличникам боевой и политической подготовке. Особенно нас заинтересовал стенд, посвящённый разведчикам. На планшетах мы увидели фото легендарных разведчиков: Николая Кузнецова, Рихарда Зорге. Для нас стала проясняться загадочность части. На стенде, посвящённом отличникам боевой и политической подготовке, я увидел фото земляка из села Ягодное – Мамонова Анатолия. Я обрадовался и стал рассказывать своим землякам о нём. Захотелось скорей увидеть его. Но он был на прыжках.

За время службы я виделся с ним всего лишь два раза. Первый раз, когда я служил в батальоне связи, и второй раз, когда служил в разведбате, а он привёз от родителей гостинцы и фотоаппарат, когда ездил на родину в отпуск.

Несколько планшетов были посвящены парашютно-десантной подготовке. Но для нас оставалось ещё не понятно: вроде бы есть и парашютно-десантная подготовка, а почему все ходят в общевоинской форме.

Всё стало ясно с приходом офицеров. Один из них спросил нас: «Ну не передумали служить в этой части». Мы хором ответили: «Нет». Ну что же вам придётся служить в бригаде специального назначения. Основной задачей, которой является проведение в глубоком тылу противника разведки и при необходимости проведение диверсионных операций», – начал свою беседу с нами офицер части. В своей беседе он предупредил нас о том, что где предстоит нам служить, в какой части, о дисциплинах, которые нам предстоит изучать мы ни кому не должны говорить и писать в письмах. С целью маскировки, сказал он, будем ходить в общевоинской форме. Также он сказал и о том, что в увольнение здесь ни кого не пускают. Так что, кроме однополчан, военного городка, леса вокруг части, вряд ли что нам придётся увидеть.

Где-то, примерно, в течение одного месяца нам предстояло пройти курс молодого бойца или карантин, а затем принять присягу и нас должны распределить по подразделениям. За этот период нам предстояло, в основном, изучить военную присягу, воинские уставы, строевую подготовку, огневую подготовку, физическую подготовку и перед присягой выполнить три выстрела из автомата.

Первое чему нас начали упорно тренировать – это раздеваться по команде отбой за тридцать секунд, и по команде подъём – одеваться за сорок пять секунд. При тренировках отбоя и подъёма мы хорошо освоили, что значит один за всех и все за одного. Тренировки продолжались для всех до тех пор, пока всё уложится в норматив. Этот принцип был заложен и при проведении кроссов, марш – бросков и учений. Психологически он хорошо воздействовал на каждого, так как каждый понимал, что от него зависит успех всех, и он не должен подвести. С другой стороны все понимали, что обязаны помочь отстающему, иначе проиграют все.

С подъёма начинался день и с отбоя заканчивался. Распорядок дня оставался почти без изменения на протяжении двух лет службы. Подъём – в шесть часов. Тридцать минут проводилось физзарядка. С шести часов тридцати минут до семи часов – заправка кроватей, умы-

вание и утренний осмотр. С семи часов до семи тридцати – политинформация. С семи часов тридцати минут до восьми часов – завтрак. С восьми часов до тринадцати часов – занятия. С тринадцати часов до четырнадцати часов – обед. С четырнадцати часов до восемнадцати часов – занятия. С восемнадцати часов до двадцати часов – самостоятельные занятия. С двадцати часов до двадцати тридцати – ужин. С двадцати тридцати до двадцати двух тридцати – подготовка к завтрашнему дню и свободное время. С двадцати двух тридцати до двадцати двух пятидесяти – вечерняя прогулка. С двадцати двух пятидесяти до двадцати трёх – вечерняя поверка. В двадцать три часа – отбой.

Не сразу привыкли мы к распорядку дня. Особенно к определённому времени принятия пищи. Кормили нас хорошо, но первое время мы ощущали недоедание, а затем, благодаря принятия пищи в одно и тоже время, мы стали даже не всё съедать. Это говорило о том, что организм приспособился к распорядку дня.

«Рота – подъём», – громко подавал команду в шесть утра дневальный по роте. И так было каждый день. С этой минуты оживала казарма. Старшина подавал команду: «Рота выходи строиться на физзарядку без гимнастёрки и майки». Физзарядку летом проводили без гимнастёрки и майки, зимой – надевали гимнастёрку, но иногда проводили физзарядку и зимой без гимнастёрки.

Физзарядка начиналась с пробежки: зимой – один километр, летом – три километра. Затем выполнялись упражнения.

После физзарядки – умывались. Умывались, брились и обливались водой по пояс. Затем заправляли кровати. От нас требовали, чтобы кровати были заправлены аккуратно, выровнены были полосы на одеялах, подушки, полотенцы и т. д.

Утренний осмотр. Старшина строил роту на утренний осмотр. На утренний осмотр мы должны придти побритыми, со свежим подшитым подворотничком, начищенными сапогами. У каждого в пилотке должны быть по две иголки с нитками: одна иголка с белой ниткой, вторая – с зелёной или чёрной. В кармане у каждого обязательно должен быть носовой платок. Гимнастёрка и галифе чистыми и выглаженными. Бляшка ремня начищенная. Ремень должен плотно облегать талию. Солдатам, которые плохо подготовились к утреннему осмотру, старшина объявлял наряд вне очереди.

После утреннего осмотра до завтрака проводилась политинформация. Как правило, политинформацию проводили офицеры.

На завтрак, обед и ужин ходили с песней. В столовой за каждым столом сидело по десять человек. На завтрак подавали кашу или макароны, или картошку, чай, белый хлеб и по пятнадцать граммов сливочного масла.

На обед подавали: к первому по кусочку селёдки; на первое – щи, суп или харчо; на второе – картошку, макароны по-флотски или кашу; ко второму подавали мясо или рыбу; на третье – компот, кисель или чай; хлеб черный и белый.

На ужин подавали кашу, макароны или картошку, чай, масла по тридцать грамм, белый и черный хлеб. Пища была разнообразной, калорийной и вкусной.

За стол садились все дружно по команде старшины. За каждым столом был старший, а также по очереди были раздатчики. В обязанности раздатчика входило – из общей кастрюли всем налить первого и положить второго.

Из-за стола также все поднимались и выходили строиться по команде старшины.

Возвращались с завтрака, обеда и ужина также с песней.

Песня. Без неё нельзя представить службу в армии. Она каждый день была для солдат обязательным исполнением при передвижении строем по части. С первого дня службы нас обязали выучить слова нескольких строевых песен. Самая первая строевая песня, которую мы изучили и чаще всего исполняли, будучи в карантине, – это была песня: «Солдаты в путь».

«Путь далек у нас с тобою.

Веселей солдат гляди.
Вьётся, вьётся знамя полковое,
Командиры впереди.
Солдаты в путь, в путь,
А для тебя родная,
Есть почта полевая.
Прощай труба завет,
Солдаты в поход»

.....

В нашей роте, батальоне были свои запевалы. Но уметь запевать должен был каждый из нас. Так что в карантине мы обязаны были выучить несколько строевых песен и хорошо исполнять их в строю. Первое время получалось не очень, чувствовалась какая-то робость в исполнении, но с каждым днём появлялось всё больше и больше задора в исполнении песен.

В карантине был ограничен перечень основных дисциплин, которые мы были обязаны изучить. Мы обязаны были изучить наизусть воинскую присягу. Нам разъясняли значение воинской присяги для солдата, почему мы не должны её нарушать и чем для нас обернётся, если мы её нарушим.

В карантине мы изучали устав внутренней службы. Нас уже назначали дневальными по роте и поэтому устав внутренней службы мы начали изучать вперёд устава караульной службы. В караул до принятия присяги нас не назначали.

При изучении устава внутренней службы, а многие его разделы мы обязаны были изучать наизусть, например: обязанности дневального по роте, батальону, нам приводили примеры из практики несения внутренней службы в частях на территории Германии. Запомнился один случай, когда в одной части заснул дневальный, в казарму проникли немцы, зарезали дневального, дежурного по роте, а затем спокойно перерезали целую роту.

Дневальный по роте. Первый раз дневальным по роте мне пришлось заступить в карантине. Нам ещё не выдали штатного оружия. Но дневальным надо было заступать, имея при себе штык-нож.

Дневальный стоит при входе в казарму у тумбочки. При появлении незнакомых лиц он обязан вызвать дежурного, при входе офицера, если в роте нет старшего по должности, должен подавать команду смирно, утром объявлять подъём, а также выполнять другие обязанности по внутреннему распорядку дня. Кроме того, дневальный поддерживает чистоту в казарме. При сдаче и приёме особенно обращается внимание на чистоту. Также дневальный с дежурным несут ответственность за сохранность имущества, находящегося в казарме. При объявлении тревоги он обязан поднять роту по тревоге.

В карантине мы также изучали устройство автомата Калашникова АКМС. Мы обязаны были не только хорошо знать, из каких частей состоит автомат, но также укладываться в норматив при разборке и сборке автомата. Кроме того, мы обязаны разборку и сборку автомата производить также и с закрытыми глазами. На одном из занятий произошёл неприятный случай. Во время занятий, проводимых на улице, один из солдат потерял одну из деталей автомата. Хотя автомат был и учебный, но это считалось «ЧП». Несколько часов понадобилось нам, чтобы найти потерянную деталь от автомата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.